

XX 96
33

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ОРГАН

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 5 (27)

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО
ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.

МОСКВА — 1934

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ОСЕДАНИЯ КОЧЕВНИКОВ¹

Вряд ли нужно говорить о важности изучения опыта социального строительства в бывших колониях царизма, об изучении своеобразия этого строительства.

Вопрос о переводе кочевых и полукочевых хозяйств на оседлость является одним из важнейших среди многих других вопросов, требующих пристального изучения со стороны аграрников-марксистов. Предпосылкой правильной постановки изучения этого вопроса неизбежно и необходимо является правильное понимание существа кочевого хозяйства.

В практике нашей исследовательской работы нам приходилось видеть, скажем, аулиатинских культурнейших немецких колонистов, которые с ранней весны выкочевывали на ближайшие „джайляу“ (летние выпасные угодья), ставя там свои шатры и выпасая свой скот. Нам приходилось видеть узбеков, которые долгое время были оседлыми, были крупными торговцами туркестанских городов, затем принялись кочевать, стали крупными скотовладельцами, и не просто торговцами скота, но и производителями, т. е. имевшими в своем хозяйстве и воспроизводство стада. Нам приходилось видеть в Казакстане некоторые хозяйства казакских баев, которые имели по 10—12 тысяч голов скота и по 40 наемных пастухов. Это — один тип кочевого хозяйства. Аналогичного порядка примеры мы могли бы привести из экономики целого ряда других государств.

Есть и другой тип кочевого хозяйства. Нам приходилось видеть скотовладельцев манапов, у которых трудно было отличить, какая часть их скота воспроизведена в их собственном хозяйстве, и какая просто получена на основе права внеэкономического господства и принуждения, на основе феодальных прав и привилегий. Нам

¹ Обработанная стенограмма доклада, прочитанного в Аграрном ин-те Ком. академии и в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем.

Статья идет в порядке обсуждения — Редакция.

приходилось видеть монгольских князей со всеми внешними атрибутами их феодального бытия, которые кочевали, занимались скотоводством, использовали все свои привилегии феодального класса и одновременно понемногу торговали скотом. Приходилось нам видеть и монгольских лам, окончивших длительный срок обучения в своих монастырских „университетах“, „докторов“ средневековой философии, которые имели крупнейшие стада овец и другого скота, и которые были связаны с этим кочевым хозяйством, кочевали сами.

Повидимому, это другой тип кочевого хозяйства,—феодальный тип кочевого хозяйства.

Наконец, из конкретных обследований можно установить в ряде кочевых районов, и в первую очередь районов Средней Азии и Казакстана, такое положение, когда крупные скотовладельцы кочуют, но организация хозяйства, в основном, базируется на раздаче скота мелкими партиями беднякам и середнякам на основе кабально-отрабочной системы эксплуатации, на основе как бы предварительного наделения их средствами производства для целей последующей эксплуатации. Такие хозяйства вы найдете и в Казакстане, и в Киргизии, и в Туркмении, и в Монголии. Сами эти крупные скотовладельцы из „букара“, из „черни“, ни в какой мере они не могут быть отнесены непосредственно к феодалам. Вот третий тип кочевого хозяйства, — полуфеодального хозяйства в том смысле, что система эксплуатации в этом хозяйстве остается феодальной, полуфеодальной.

Наконец, из истории мы знаем о существовании первобытных пастушеских кочевых общин в эпоху, когда только намечались процессы образования классового общества.

Таким образом по своей социальной природе кочевое хозяйство может быть очень различным. Кочевое хозяйство может быть типа примитивно-коллективистических общин, о которых мы знаем из истории, которые кое-где, возможно, и сохраняются в особо удаленных уголках нашего Союза. Может быть кочевание населения, подчиненного отношениям внеэкономического господства и принуждения, т. е. феодальным отношениям. В определенных конкретных условиях может быть кочевое хозяйство капиталистического типа.

Как-будто бы это положение бесспорно. Вопрос, следовательно, упирается в конкретное исследование определенных объектов, чтобы отнести тот или иной тип кочевого хозяйства к тому или иному типу общественно-экономических отношений, для того чтобы в практической работе подойти к каждому типу кочевого хозяйства с определенными мероприятиями, приложимыми именно к данной системе отношений, чтобы правильно наметить „посредствующие звенья“ по „переходу к коммунизму“ таких производителей.

Повидимому, так стоит вопрос. А между тем это, казалось бы, ясное положение при знакомстве с литературой вопроса становится не таким уж ясным.

Значимость непрерываемого догмата получило то „теоретическое“ положение, что кочевое хозяйство по своему социальному существу — это заря человечества, это бесклассовое общество и ни чем другим оно быть не может уже в силу одного того, что оно кочевое. Такое положение служило предпосылкой и всех конкретных исследований и очень долго служило предпосылкой в практической работе в ряде кочевых районов. Достаточно просмотреть фолианты толстенных академических изданий, чтобы убедиться в этом.

Не вдаваясь в разбор тех многих исследователей, как Аристов, Харузин, Радлов и другие российские академики, укажем только на тех, к кому прибегают чаще всего при изучении кочевого хозяйства. Среди них наибольшего внимания заслуживает проф. Тахтарев, работы которого широко известны востоковедам¹.

Тахтарев доказывал, что, там где существует кочевое хозяйство, там неизбежной и необходимой системой экономических связей людей в процессе производства может быть только родовой строй и ничто иное.

Наряду с Тахтаревым я бы назвал, пожалуй, еще более известного деятеля — Кушнера, который в своих учебниках и исследованиях развивал ту же мысль, что и Тахтарев².

Наконец, при конкретном исследовании всякий неизбежно наталкивается на многочисленные солидные исследования переселенческих управлений, где развита эта же мысль, правда, в прямом противоречии с данными статистических материалов.

Стоит указать еще на Соколовского, для которого исходным было следующее положение: „Если существует кочевое хозяйство, значит налицо родовой строй“. Соколовский пытался при посредстве целого ряда „научных“ ухищрений доказать именно это положение данными своих обследований³.

Укажем на Полочанского, который на основе этого же положения требовал включения в колхозы всех без исключения хозяйств кочевых районов, даже с прямой оговоркой, что там, где есть, богатые, они должны быть тоже включены в колхоз, потому что у них очень много, видите ли, опыта организации общинного хозяйства и, следовательно, они не могут быть противниками колхозного движения⁴.

Всякий знает теперь, что Полочанский просто-на-просто повторял ранее высказанные положения, вышедшие из-под пера Байтурсунова, одного из деятелей и идеологов алашордынской контрреволюционной организации.

Стоит еще сослаться на такого маститого „ученого“ как Каутский, который в одном из своих „откровений“ говорит о том, что

¹ К. П. Тахтарев, „Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм“, ч. 1, стр. 281. ГИЗ 1924 г.

² П. Кушнер, „Очерки развития общественных форм“ (7 издание).

³ См. Соколовский, „Современный казакский аул“, Кзыл-Орда, 1926 г.

⁴ Е. А. Полочанский, „За новый аул-кстау“, Москва, 1924 г.

кочевое хозяйство это такое состояние человеческого общества, когда классов нет, когда нет государства. По Каутскому, государство возможно только при посредстве завоевания кочевников земледельцами. Вне земледелия, вне оседлости у Каутского никакое государство не мыслится¹.

Понятно, что факт самой ожесточенной классовой борьбы, происходившей в большинстве кочевых районов Союза, поколебал такого порядка „теоретические“ мудрствования. Однако и сейчас мы можем наблюдать попытки приспособить старые, разбитые жизнью „теории“. Больше того, мы можем наблюдать объяснение целого ряда неудач того или иного мероприятия именно тем, что кочевья пребывают-де на той стадии общественного развития, когда системой отношений у них является родовой строй. Этим объясняется целый ряд неполадок, которые в ряде кочевых районов были и есть.

Какое значение для разбираемого вопроса имеют наши, казалось бы, отвлеченно-академические высказывания о первобытном обществе? Как мы увидим из дальнейшего, правильное понимание первобытного общества имеет очень большое значение.

Из положений Каутского и наших каутскианцев вытекает, что оседлость — это прогрессивное явление во все времена. Если мы посмотрим некоторые попытки классификации хозяйств в отдельных кочевых районах, скажем, в том же Казахстане, то увидим, что там все районы делятся по таким „прогрессивным“ ступеням: а) скотоводческое хозяйство, б) скотоводческо-земледельческое, в) земледельческо-скотоводческое и г) земледельческое.

Нет нужды говорить о том, что из этой „типизации“ нельзя ничего понять ни о классах, ни о классовых отношениях. Именно такая схема кладется в основу „дифференцированного подхода“ к тем или иным районам.

Эта схема, органически вытекающая из системы представлений Каутского, у нас пущена в оборот кондратьевцами всех мастей.

Проблема оседания — не новая проблема в литературе. Еще 4-5 лет тому назад в Казахстане был популярен проект некого Маслова, который сводился к тому, чтобы районы Центрального Казахстана, где в то время насчитывалось примерно 280 тыс. хозяйств, оставить „вне хозяйственного использования“, так как они не могут быть использованы для земледелия. Так как, с точки зрения названного проекта, прогрессивным — по сравнению со скотоводством — является земледелие, то, следовательно, требовалось эти хозяйства расселить, с одной стороны — на север, в район обжитого товарного земледелия, с другой стороны — на юг, в районы хлопка, оставив вне хозяйственного использования колоссальные территории Центрального Казахстана².

¹ К. Каутский, „Материалистическое понимание истории“, т. II, изд. 1931 г., стр. 101—103.

² „Народное, хозяйство Казахстана“ № 4—5 за 1929 г., статья Я. И. Маслова,

Я упомянул об этом Маслове только потому, что по сути дела идеи Маслова являлись стержнем целого ряда рассуждений практиков в этих районах. Они по существу являлись отправным положением при подходе к практике оседания кочевников в ряде районов, и в первую очередь районов Казакстана. Обоснований идеи о том, что переход к земледелию является прогрессивным явлением, что переход к земледелию является жизненно-необходимым явлением, мы находим в казахстанской литературе чрезвычайно много. Но с особенной отчетливостью это положение развито у одного из казахстанских писателей Карвина, который пишет:

„Надо, наконец, нам — работникам-националам понять, что основной причиной гибели и вымирания номадов является кочевой быт, и что возрождение киргизской массы, ее культурный подъем начинаются только на другой день после обседления. В оседлости и европейской культуре залог прогресса и возрождения кочевников“¹.

Новейшее обоснование, данное всего год тому назад, мы находим у Зверякова. Зверяков требует немедленной ликвидации кочевого хозяйства, перевода кочевников на оседлость и на земледелие, так как:

„Экстенсивное кочевое хозяйство по самой своей природе (?! — П. П.) исключает возможность роста в нем социалистических элементов и направляет его развитие по капиталистическому пути“².

Оказывается, в „самой природе“ хозяйства заключается по Зверякову невозможность строительства социализма в этих районах.

По сути дела, для отдельных кочевых районов и в первую очередь для Казакстана вопрос ставился именно так, что пока есть кочевники, пока есть кочевание, ни о каком социализме, ни о каких колхозах думать нечего. Надо сперва кочевое животноводческое хозяйство превратить в земледельческое, а потом уже можно разговаривать о колхозах. Кочевое хозяйство рассматривалось, кое-где рассматривается и сейчас, как неиспользованный резерв рабочей силы. Кочевое животноводство рассматривалось, как тяжелое наследие веков.

Обоснование проблемы оседания ставилось следующим образом:

„Пути социалистического наступления в Казакстане идут и должны пойти по линии:

1) Наступление на ископаемые богатства Казакстана“, что даст „во-первых, оседание большего количества казахских хозяйств в промышленности, изменение их быта и культуры“. И дальше:

2) „Наступление на использование целинных пространств пахотоспособных земель под зерновые и технические культуры“, путем строительства совхозов, что даст „минимум 100—150 тысяч рабочих“ или оседание в совхозах „50—60 тысяч казахских хозяйств в виде рабочих совхозов“.

¹ Журнал „Советская степь“ № 7 за 1924 г., ст. Карвина.

² И. Зверяков, „От кочевания к социализму“, ГИЗ., Алма-Ата., 1932 г., стр. 52.

Дальше, социалистическое наступление в Казакстане это:

3) „Наступление на отсталое малопродуктивное животноводство, на архаическое кочевое хозяйство“ (как же может быть иначе! — П. П.).

Но и это „наступление“ мыслилось через создание животноводческих совхозов, что по мысли ретивых администраторов должно было дать еще „в качестве сель.-хоз. рабочих до 100—150 тысяч человек“.

И дальше „скромненько“, без выделения крупным шрифтом: „наступление по линии животноводства разрешается также по линии оседания и коллективизации“.

А в качестве общей формулы:

„Оседание — это коллективизация. Оседание — это ликвидация бая — полуфеодала. Оседание — это уничтожение родовых отношений“¹. Словом, оседание — панацея от всех бед, оседание — самоцель.

По существу вся проблема оседания рассматривается, как решающая предпосылка всяких социалистических мероприятий в кочевом ауле.

Мы пытались увязать проблему оседания и коллективизации так, как она увязывалась у отдельных писателей и исследователей, занимавшихся этим вопросом. Что же мы при этом обнаружили?

Именно подтверждение той же мысли, что оседание было превращено в самоцель, а само колхозное строительство, социалистическая реконструкция — только в способ осуществления этой основной цели. Лучше всего это сформулировано неким Косаковым, который писал: „Основным методом перевода на оседлость является сплошная коллективизация и ликвидация кулачества и полуфеодального байства“², т. е. сама коллективизация (причем не иначе, как артельная „форма“ — П. П.) является только „методом“, а основной целью является оседание.

То же делает и другой литератор, занимающийся вопросами Казакстана, — Федоров. В одном случае он говорит так: „Вреднейшей политической ошибкой в системе мероприятий по реконструкции кочевого аула является установка на коллективизацию кочевников“³.

Для Федорова нелепо рассуждать о коллективизации кочевников до тех пор, пока они не осели.

Зверяков в развитие этой мысли, комментируя Федорова, пишет: „Оседание является основой социалистической реконструкции“⁴.

Для правильного решения проблемы оседания мы должны просмотреть весь опыт оседания, который происходил исторически.

¹ Ф. И. Голощекин, „Казакстан, на путях социалистического переустройства“, ГИЗ, 1931 г., стр. 241—246.

² „Революция и национальности“ за 1932 г., № 4—5, ст. Косакова, воспроизведена в спец. сборнике „Оседание“, изданном в 1932 г., под редакцией С. М. Диманштейн, стр. 32.

³ „Народное хозяйство Казакстана“, 1932 г. № 10—11, ст. Федорова.

⁴ И. А. Зверяков, „От кочевания к социализму“, Алма-Ата-1933 г.

До революции мы также имели процесс оседания. Мы наблюдали, что до 28⁰/₀ казакских хозяйств в Копальском и Лепсинском уездах, до 40⁰/₀ в некоторых южных районах современного Казакстана заявили себя оседлыми при обследовании переселенческого управления в самый канун мировой войны и революции. Что это было за оседание? В этом оседании нет ничего общего с тем оседанием, которое проводится сейчас. Тогда происходило оседание от бедности. Это чрезвычайно важное положение, которое в конце-концов определяет существо прежнего оседания. Тогда оседание происходило по прямому поручению бая. Байство таким образом создавало себе продовольственную и кормовую базу при посредстве оседавших. Любопытный материал дает в этом отношении ревизия Туркестанского края, проведенная сенатором графом Паленом, который указывает, что за 20 лет до 1907 г. было примерно 30 заявлений от шести тыс. кибитковладельцев, но что ни одно из этих хозяйств удовлетворено не было. Значительная часть этих хозяйств могла бы получить, скажем, разрешение, но сами заявители отказались от своих первоначальных намерений только потому, что бай и полуфеодал степей были против этого оседания, не допускали такого оседания.

Отдельные деятели переселенческого управления в своих литературных выступлениях порою тоже защищают необходимость оседания.

Какие побудительные мотивы были у них? Эти мотивы сводились к предположению, что оседание кочевников должно было неизбежно увеличить земельный фонд под колонизацию, потому что кочевники наделялись значительно меньшим наделом, чем поселения русских колонистов.

В 1921 г. была первая после революции попытка массового оседания кочевников в Казакстане и Киргизии. В этом случае кочевникам давалось все необходимое для оседания, а именно им передавались обжитые дома со всеми пристройками. Кочевнику передавался рядом с домом засаженный огород, ему передавалась готовая разработанная пашня. Как-будто бы было все необходимое для того, чтобы перейти на земледелие, на развитие этого земледелия, развитие интенсивного животноводства, и, однако, оседание в общем было незначительным.

В порядке этой реформы только по Семиреченской области было выселено больше 8 тысяч русских кулацких, в основном, хозяйств, а их усадьбы переданы кочевникам.

Однако должного и ожидаемого эффекта в оседании и перестройке хозяйства эта реформа неимела. Большинство из переданных усадеб постепенно разрушилось. Кочевники, получившие дома, пашни и огороды, продолжали кочевать. Почему? Потому, что к этому времени все еще силен был враг оседания — степной аристократ манап. Против этого оседания был и бай. Это одна из причин. Было множество и других причин, среди которых стоит указать на быстрое восстановление стада и этим самым оживление

кочевания, а с другой — на большие трудности ведения земледельческого хозяйства, требовавшего поливов, экономически — менее выгодного для того времени.

В 1924—1928 гг. рождается вновь проект оседания и начинается практика оседания. К чему сводится практика оседания и смысл проектов, относящихся к 1924-1928 гг.? Это оседание сводилось к тому, что кочевников пытались заинтересовать высокими земельными наделами, чтобы они оседали, занимались земледелием. Так в Северном Казахстане давалось до 80—90 га на хозяйство, причем это оседание было не поселкового, а хуторского типа.

Несколько меньший надел (до 40—50 дес.) был в южных районах. Проект оседания 1924—1928 гг. разрабатывался при ближайшем участии некоторых представителей байских кругов. Достаточно сказать, что в разработке его участвовал один из вождей алаш-ордынской буржуазно-националистической организации — Букейханов, а непосредственным исполнителем был эсерствующий профессор Шведов, прикрывшийся высоким авторитетом Академии наук; позднее же известный проф. Рыбников, из кондратьевцев.

Естественно, что от таких „ученых“ и стоявших за их спиной бывших деятелей Алаш-Орды ничего иного и ожидать нельзя, кроме попыток создания крепкого хуторского хозяйства. Все их разговоры об оседании неизменно окрашиваются в буржуазные культуртрегерские тона. Это и неудивительно, потому что им, конечно, в голову не приходила и мысль о какой-либо иной коренной социальной перестройке кочевого хозяйства.

Понятно, что за такого рода оседание мог с успехом голосовать степной бай, которого такое оседание никак особенно не затрагивало.

Руководство Казахстана поняло, куда его тянули с подобными проектами оседания, и прекратило начатую в соответствии с этими проектами практику устройства на оседлость кочевого населения. Однако разоблачение кулацкого существа этих проектов было легче, чем намерение правильной системы мероприятий по оседанию.

Посмотрим установки, положенные в основание последующей практики оседания в Казахстане.

В Казахстане, исходя из того, что оседание является предпосылкой всяких реконструктивных мероприятий, решили, что нужно 540 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств посадить к весне 1933 г. А так как „методом“ оседания была признана коллективизация, то значит в еще более короткие сроки необходимо было, по такой установке, коллективизировать эти 540 тысяч хозяйств, причем не иначе, как в артельной форме¹.

Ни к чему хорошему такая установка не могла привести, если учесть реальное соотношение классовых сил в отдельных отсталых животноводческих районах, слабость парторганизаций, зависимость

¹ См. Сборник под редакцией Диманштейн „Вопросы оседания кочевников“, стр. 32, М. 1932 г.

бедноты и батрачества от байства, недостаточное развитие классового сознания у эксплуатируемых масс. Но раз было принято такое положение, нужно было его как-то теоретически обосновать.

Этим обоснованием должно служить следующее высказывание: „Существует предрассудок — пишет Голощекин, — что колхозное строительство в Казакстане пойдет более медленными темпами. Это неверно, потому что колхозное строительство в Казакстане пойдет на иной основе, чем в других частях Союза, а именно на основе освоения целинных земель, на основе оседания казакского населения на земле“¹.

Как видим, с этой точки зрения, колхозное строительство в Казакстане имеет все предпосылки не только догнать передовые районы Союза, но и соперничать с ними. Такое абстрагирование от конкретных условий должно было наложить известный отпечаток на практическую работу по оседанию и коллективизации. Из этих теоретических предпосылок идет и соответствующая зарядка практиков.

„Стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству... Форсировать массовую коллективизацию бедняцких и середняцких скотоводческих хозяйств“ — постановляют в отдельных районах².

Коллективизация в кочевых районах форсируется без достаточной подготовки и зрелости районов.

Такова логика тех „теоретических“ установок об оседании, которые мы разобрали.

Эта логика требовала именно форсирования коллективизации, причем хозяйства коллективизируются не просто по форме тозов, скажем, а указывается, чтобы „в первый же год добиться полного обобществления сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота в зерновых колхозах и всего продуктивного скота в животноводческих“³, т. е. предполагается по существу создание артелей и коммун.

Такова была логика головокружения, которое было там, правда не от успехов, а от заимствования теоретических схем из арсенала мелкобуржуазного социализма и меньшевизма.

При просмотре литературы по этим районам иногда трудно отделить явную глупость, сказанную может быть и из хороших побуждений, от подсказывания классового врага из кочевого аула, который с определенного этапа встал на путь уничтожения стада.

На местах, в районах баи выступали с открытым забралом против колхозного строительства, против представителей советской власти. Совершенно отчетливо обнаружилась значительная сила этого классового врага. Его сила была более значительна в кочевых районах, чем в других районах Советского союза.

¹ Ф. И. Голощекин, ГИЗ, 1931 г., стр. 79.

² „Казакстанская Правда“ от 27 июня 1933 г. № 171. Речь Исаева, вскрывающего ошибки прежнего руководства.

³ Там же.

Дело в том, что помимо кулака-бая в кочевых районах и в частности в районах Центрального Казакстана до самого последнего времени сохранялись элементы феодальной прослойки кочевого аула. При наличии некоторых противоречий между теми и другими характерным все же являлся тесный смык этих слоев при руководящей роли в этом блоке отпрысков прежней феодальной знати кочевого аула.

Ни феодал, ни кулак, по ряду условий, не были разгромлены в первый период революции, как это имело место в большинстве других районов Союза. В российских районах помещики были начисто сметены в самый первый период революции, а кулак разгромлен и ослаблен в период комбедов, так что только постепенно он укреплялся вновь в первый период нэпа.

Ясно, что во весь период революции кулацкие устремления ограничивались так же, как и у степного феодала, который уже не мог попрежнему открыто хозяйничать в кочевой степи, но непосредственного разгрома они все же не претерпели.

Естественно, что в этих условиях такая объединенная сила кулака и остатков помещика представляла значительную силу.

В 1928 г. проводятся мероприятия, направленные непосредственно против феодальных пережитков и сказавшиеся в начале в виде передела сенокосных угодий, а затем экспроприации и выселения виднейших феодалов и верхушечной прослойки байства, непосредственно сросшейся с ними.

В Казакстане конфискации подвергнуто было около семисот хозяйств, а отобранный у них скот передан, в основном, бедноте кочевого аула. Широкие слои байства этими мероприятиями затронуты не были, а это позволило нейтрализовать бая в этот период борьбы с феодальными пережитками.

То обстоятельство, что все экспроприации и выселения (то же было проделано, правда, в меньшем объеме, в Киргизии) прошли без всяких особых осложнений, и не только без экономического упадка отдельных районов, но даже с некоторым ростом поголовья стада, говорит о противоречиях, имевшихся между феодалом и верхушечными слоями байства, с одной стороны, и массами кочевого крестьянства (в том числе и кулака)—с другой.

Однако такие мероприятия были проведены всего за год-полтора до приступа к сплошной коллективизации, а это не могло не усилить эффекта агитации остатков разгромленного помещика, в результате которой кулак также был активизирован против мероприятий советской власти, а середняк стал колебаться кочевать.

Имевшиеся противоречия внутри классово-враждебных нам слоев в этот период сгладились.

Вот в этих условиях относительной силы классового врага, сумевшего спровоцировать на хищнический забой стада значительные слои и середнячества кочевий, легко себе представить, какое значение должна была иметь установка, развитая в „труде“ некоего Зверякова, снабженном авторитетным предисловием.

Зверяков пишет в своей работе:

„Задача состоит в том, чтобы ликвидировать кулачество-байство, как класс, быстрым, коротким ударом предупредить возможность дальнейшего уничтожения стада. Задача состоит в том, чтобы сохранить кулацко-байский скот, отобрав его в процессе коллективизации и сосредоточив в крупных фермах“¹.

О Зверякове приходится упоминать только потому, что такого рода установки находили широкий отклик в рядах отдельных практиков Казакстана.

Бай с определенного этапа приветствовал всякого рода „плакателей“ о его стаде, так как все такие ошибки были ему на руку в борьбе за середнячество кочевий, в борьбе против колхоза.

Последний принципиально важный вопрос, который я хотел бы поставить в связи с разбором темы об оседании и неизбежной увязке его с коллективизацией,—это вопрос о родовом строе, родовых отношениях. Один из наиболее маститых певцов безудержного головотяпства в Казакстане — Федоров, помимо того, что он считает невозможным никакое социалистическое строительство в Казакстане, пока кочевники не осели, пишет:

„Если бы мы согласились, что родовых пережитков в кочевом ауле не существует, мы в практической работе, например в процессе коллективизации допустили бы губейшие ошибки (родовые колхозы)“, компилируя здесь положение, сочиненное другими².

Это другое положение говорит таким образом: „При проведении оседания обратить особое внимание на организацию колхозных поселков из бедняков и середняков различных родов“. (Разрядка наша—П. П.)

Такое постановление была принято в Казакстане в конце 1931 г. Те, кто бывал в Казакстане, в Киргизии и других кочевых районах, кто знает о племенном расселении, могут легко себе представить, что означает это требование на практике.

Дело в том, что кочевники Казакстана, Киргизии и ряда других районов издавна расселялись по своим племенным и родовым делениям, входя в сферу влияния того или иного султана или манапа. Эти роды иногда занимали площади не только одной какой-нибудь волости, а целого ряда волостей. Иногда в таком „роде“ до 14—15 тыс. хозяйств. При распыленности населения по мелким кочевым аулам, территория, занимаемая тем или иным „родом“, имеет в радиусе 100—150 км., иногда и больше. Чтобы создать поселок из нескольких родов—по мысли названного постановления и по Федорову—необходимо бедняков и середняков, желающих осесть, селить не в этом поселке, а за 200—300 км., а из другого „рода“ тащить сюда, чтобы смешать „роды“. Это требо-

¹ И. Зверяков, „От кочевания к социализму“, Алма-Ата, 1932 г., стр. 27.

² „Народное хозяйство Казакстана“ № 10—11 за 1932 г., ст. Федорова.

вание распространяется и на колхоз, и на поселок. Это требование смешения родов является ни чем иным, как требованием всеобщего перетряхивания всех казакских хозяйств, что по существу и делалось в ряде районов.

Вспомним, что говорили по поводу родовых отношений Маркс и Энгельс. Не будем приводить всех высказываний Маркса и Энгельса, а сошлемся на известное всем и каждому письмо Маркса в „Отечественные записки“ по поводу русской общины, где доказывается, что община в том случае, если произойдет пролетарская революция в передовом промышленном государстве, не будет служить препятствием для построения коммунизма на ее основе, если она сохранится в ее нетронutom виде.

Стоит напомнить еще Энгельса, который, говоря о болгарях, указывает:

„В их родовых учреждениях имелся бы чудесный росток для развития коммунизма, точно так же, как в русском „мире“, который теперь у нас разрушают под носом“¹.

Для Маркса-Энгельса, как видим, иначе ставился вопрос о примитивно-коллективистических общинах. Другое дело, что эти общины не вечно сохраняются в своем „нетронutom“ виде, что капитализм и в них находит „свою сокровенную основу“ (Ленин), используя их в своих интересах.

На этом этапе разложения общины уже не могут служить „благоприятным случаем“, но сами по себе они не непреодолимое препятствие при построении социализма.

Во всяком случае мы можем признать в соответствии с Марксом и Энгельсом, что сами по себе родовые отношения (если под ними понимать отсутствие частной собственности, коллективное ведение хозяйства, равенство всех, „не исключая и женщин“, самоуправление и т. д.) не могут служить препятствием при социалистической переделке, и что в практической работе ничего нет страшного в том, что бедняки и середняки, считающие себя происходящими от одного общего предка, будут жить в одном колхозе.

Страшного тут ничего нет, если нет баев.

Только так теоретически правильно разрешается вопрос. Помимо того, что это должно приостановить всякую перевозку с места на место кочевников, рассасивание „родов“, которое ничем не может быть оправдано, помимо этого в колхозах и поселках будет меньше всякого рода „противоречий“, которые прежде вытекали из того, что один бай из одного рода натравливал людей на другой род.

Пишущие о кочевом хозяйстве обычно касаются нас в связи с этим вопросом, выставя нас ярым противником „теории“, утверждающей, что в Казакстане и в Киргизии существует родовой строй. Это не бесосновательно. Мы были и остаемся противниками того,

¹ „Архив“ Маркса-Энгельса, книга I, стр. 377.

чтобы определять общественно-экономическую обстановку большинства наших кочевых районов в Туркестане и Казакстане родовым строем. Мы против того, чтобы нелепица буржуазной науки, подхваченная сейчас рядом авторов, ничего иного не означающая, кроме попытки защиты классового врага в этих кочевых аулах,—циркулировала в качестве новинки „научного“ исследования.

Вопрос упирается в точное, правильное исследование реальной экономики и реального социального явления. Вопрос упирается в конкретное познание вредности того или иного из пережитков при подходе к социалистическому строительству.

В этом свете, что такое те родовые отношения, которые кое-где в кочевых районах сохраняются? Родовые отношения несомненно остались в сфере представлений, в сфере навыков быта, культуры. Нелепы те рассуждения, которые полагают, что раз осталось это, значит должна существовать и экономическая база.

Энгельс в одном случае указывает, что родовой строй распадается, но что его идеология, его традиции еще долго сохраняются, вымирая лишь мало-по-малу.

Они служили в свое время знаменем борьбы с феодалами. Так было и в Монголии, и в Казакстане, когда знаменем борьбы с феодалами-узурпаторами был возврат к прежней общинной жизни. По сведениям известного и заслуженного авторитета истории тюрко-монголов—академика Владимирцева, выступления внутри монгольского народа против Чингис-хана, носителя складывавшихся феодальных отношений, были выступлениями народных низов, возглавлявшихся родовыми старшинами, почтенными родовыми людьми.

Важно подчеркнуть, что родовые отношения позднее сохраняются, потому что баи их тщательно оберегали, ставили на службу себе. Например, сознание непротиворечивости общественных интересов способствовало завуалированию, затушевыванию классовых противоречий. Эксплоататоры не только при советской власти заинтересованы в затушевывании этих противоречий, но и до нее. Организация „Алаш-Орды“, как организация феодально-байская в своих „теоретических“ рассуждениях и в программных установках тоже говорит о родовом строе, об отсутствии противоречий, о братстве казаков, о народе в целом. Именно из недр этой алашординской организацииросло утверждение, что Казакстан придет к социализму раньше, чем другие районы Союза, потому что в Казакстане где нет классов, все люди равны, все люди братья и т. д. Все работающие над Казакстаном знают эти утверждения Байтурсунова и других алаш-ордынцев.

Достаточно только посмотреть на статистические материалы, рисующие характер расслоения казакстанского кочевого хозяйства, чтобы понять все значение, которое имеет эта „теория“.

Последнее замечание, которое приходится сделать в связи с разбором темы об оседании,—это вопрос о научном исследовании. Нельзя сказать, чтобы практические работники по оседанию

в отдельных кочевых районах не искали союза с наукой и помощи науки. Они очень пристально интересовались каждым словом о кочевом хозяйстве, но их погубила вера в старые, забытые „научные“ авторитеты. „Наука“ в эти районы пришла с вредительскими исследованиями Швецова, прикрывшегося высоким авторитетом Академии наук. Эти исследования стоили Казакстану очень много. После первого же литературного дебюта Швецов был с позором изгнан из Казакстана, потому что слишком откровенно он выступал защитником бая, защитником феодалов.

После Швецова к изучению кочевого хозяйства приступил не менее „солидный“ и „маститый ученый“—Рыбников, который тоже стоил Казакстану очень много и которому не дали даже поделиться с общественностью своими „научными советами“.

Сейчас, под руководством ЦК нашей партии, подошли к правильному решению проблемы оседания, но для этого понадобилось вмешательство авторитетнейшего из авторитетнейших марксистов нашей эпохи—тов. Сталина, который помог выправить линию мест.

Сейчас в ряде кочевых районов мы наблюдаем совершенно отчетливый перелом в сторону роста социалистических форм хозяйства в их простейших видах.

Как же, однако, принципиально правильно поставить вопрос об оседании и его увязке с коллективизацией?

Надо предварительно оговориться, что особенности районов диктуют и особые способы подхода, особые практические шаги. Так, скажем, когда мы говорим о современном Казакстане в связи с разбором проблемы оседания, там, повидимому, вопросы стоят несколько иначе, чем, скажем, в Дагестане, чем в Киргизии, потому что там в итоге ожесточенной классовой борьбы мы имели значительные откочевки, и там сейчас вопрос устройства откочевников является основным практическим вопросом, разрешение которого нельзя мыслить по какой-то общей схеме даже для Казакстана в целом.

Важно, помимо этого, еще подчеркнуть, что в самом колхозном строительстве по кочевым районам, как наиболее отсталым районам, мы имеем несколько иные общие положения. Так, в колхозных объединениях кочевых районов Казакстана и других мы разрешаем колхознику иметь в индивидуальном пользовании до 100 овец, 8—10 голов крупного рогатого скота, 8—10 лошадей и других видов скота. Легко заключить, что это „посредствующее“ мероприятие в социалистической реконструкции чрезвычайно важно, и оно по-особому ставит целый ряд вопросов организационно-хозяйственного укрепления таких же коллективных объединений. Наличие значительного стада в индивидуальном пользовании требует большого внимания со стороны колхозника, владеющего им, может ослабить внимание к обобществленному хозяйству, которое идет главным образом по линии создания кормовой базы и потребительного значения посевов.

Вот эти особые условия налагают большую ответственность на работников мест по наблюдению за тем, чтобы укреплять постоянно обобщественное хозяйство по линии воспроизводства в обобщественной части, расширения базы продовольствия, по линии постоянного и неустанный перевоспитания членов колхоза.

Надо сказать, что в качестве основной формы колхоза там приняты товарищества типа тозов. Роль оседания в деле укрепления вот этих товариществ в деле постоянного, основанного на интересах самих колхозников, перехода их к высшим формам — чрезвычайно важна. Оседание, с нашей точки зрения, является тем комплексом мероприятий организационно-хозяйственного укрепления коллективных предприятий из бывших кочевников-животноводов, который должен служить целям превращения отсталого, экстенсивного животноводства в животноводство передовое, покоящееся на прочной кормовой базе, на машинной технике.

Однако оседание не может рассматриваться предварительным условием самого подхода к социалистической реконструкции. Оно должно осуществляться одновременно и в меру роста колхозных объединений. Оно должно стать понятным массам и диктоваться условиями целесообразной организации труда в животноводческом, в основном, колхозе. Оседание предполагает развитие полеводства не только по линии кормов, но и по линии создания потребительских посевов огородов в животноводческом колхозе.

Вербовка рабочей силы под флагом оседания не может быть признана правильной, ибо нельзя комплектовать кадры пролетариата путем приписывания к тому или иному предприятию тех или иных волостей со всем их населением. По части вербовки рабочей силы существуют определенные положения, существуют определенные слои, которыми мы по преимуществу и комплектуем кадры пролетариата. От этих положений вряд ли есть нужда делать какие то отступления, так, как это было сделано в Казакстане, где само оседание было истолковано, как вербовка рабочей силы для растущей промышленности путем превращения кочевавшего ранее населения в рабочих. Такие мероприятия не могут быть поняты быстро населением, и естественно, что мы имели факты, выражавшие нежелание этого поевращения в рабочих. Понятно, что нельзя предоставить самотеку дело оседания кочевников так же, как было бы преступлением предоставить самотеку и самые колхозы. Оседание требует своего плана, постоянного осуществления его под руководством партийной организации.

Другой вопрос — проблема увязки коллективизации и оседания. Повидимому, вопрос стоит так, что оседание должно в основном осуществляться в форме того или иного вида коллективизированных объединений. Ставить себе задачей устройство единоличника нельзя, так как это вызвало бы колоссальное распыление средств и чрезвычайно большие сложности в самом подходе ко всей практике оседания (похозяйственное устройство,

водоустройство и т. д.). Но одновременно, конечно, приходится считаться с тем, что многие, пока еще единоличники, будут выражать желание осесть. Повидимому в отведенных для оседания пунктах для того или иного товарищества возможно устройство и единоличников, не ставя его в качестве своей основной цели. Короче говоря, нам представляется дело таким образом, что пока еще сохранившиеся кочевники должны организовываться во всякого рода товарищества (тозы и др.) и затем планово в порядке организационно-хозяйственного укрепления этих товариществ оседать в пункте, заранее намеченном, выбранном при участии самого населения этих колхозов.

Ничего нет страшного, с нашей точки зрения, в том, что мы будем иметь на некоторое время, может быть на 1-2 года, колхозы, которые в большинстве своего состава или даже целиком будут кочевать и только постепенно, по мере разрешения базы земледелия и сенокосения, переходить к оседлости.

В казахстанской литературе приходят в ужас от того, что некоторые товарищи представляют себе возможность существования этих кочевых коллективных объединений на определенном отрезке времени, и даже иронизируют по этому, поводу, называя такого рода установку „кочевым социализмом“. В самом по себе кочевом хозяйстве нет каких-то присущих ему свойств, которые исключали бы всякую возможность построения в нем социализма. Иная точка зрения растет через трюкизм от меньшевизма, и с этой точкой зрения мы боролись и в своей прошлой работе, делая, правда, в ней некоторые другого рода ошибки, и думаем, что практика сегодняшнего дня именно так и поставила вопрос о социалистической реконструкции в кочевых районах. А именно: рассмотрение оседания как предпосылки к коллективизации признано неправильным, потому что это значило бы по сути дела, если подходить к коллективизации так, как этому учит ленинизм, предоставить кочевья самим себе на еще долгое время, так как нельзя же себе мыслить, чтобы в какой-то один год колоссальные массивы кочевых районов с сотнями тысяч хозяйств немедленно осознали преимущество колхозных объединений и пошли на оседлость, организуя одновременно колхозы.

Для этого требуется длительная, настойчивая, постоянная работа и большевистское руководство вместо истерики, мелкобуржуазного радикализма, который мы так часто обнаруживаем в литературе по Казахстану и другим кочевым районам.